

Людмила РАХМАТУЛИНА

Рахматулина Людмила Николаевна родилась в г. Сморгонь, но считает себя гродненкой, так как живёт здесь большую часть своей жизни. Работала в сфере образования и культуры. Последние 27 лет до ухода на пенсию преподавала мировую художественную культуру и авторский курс в многопрофильном лицее № 1 г. Гродно. Творчески проявляла себя с детства: сочиняла и исполняла музыку, писала стихи, сценарии, позже статьи по методике преподавания, увлекалась батиком и т. д. Сочинительство Людмила Николаевна считает личным способом противостояния пошлости и аморфности, возможно, самоутверждения. Прозы и стихов у автора набралось на несколько сборников, но пока она выкладывает свои тексты только в соцсети, на авторской страничке и в некоторых других местах. Надеется издать книгу. Недавно стала лауреатом на конкурсе арт-стихов в рамках минского книжного фестиваля «Город и книги» (стихотворение «После прочтения книги воспоминаний Н. Я. Мандельштам», см. ниже). Предлагаем вашему вниманию подборку стихов Людмилы Рахматулиной и её «прозаизмов-размышлизмов».

Прогулки по городу

Откуда появляется чувство родства с городом?

Ну, наверное, когда в нём немало прожито и пережито, даже если ты рождён не здесь. Недавно услышала из уст молодого человека: «Гродно – это провинция!»

О, да! Мой город провинциален в самом лучшем смысле, я бы даже добавила, провиденциален. Почему? Атмосфера такая!

Когда идёшь от кафедрального костёла на замковую гору и слышишь бой самых старых в Европе часов, ощущаешь, будто всё вокруг пропитано терпкой пылью, как переплёт старинной книги. Парящая над площадью фигура Христа и надпись под ней – *Sursum Corda* – настраивают особым образом. Эта высокая нотка камертона времени чувствуется в именах Давида Городенского, Витовта, Батория, всё время витающих рядом, в старинной брусчатке, нагретой солнышком, от улицы Советской и до домика Гродненской *Genius Loci* Элизы Ожешко. А когда проходишь мимо известного своей трагедией еврейского квартала с памятным знаком и Менорой в арке, сердце отзывается тотчас: хочется со всей страстью и на всех языках попросить у высших сил мира для всех. *Dona nobis pacem!*

Подобных мест единения с городом, которые словно включают меня в некий временной поток, немало.

В голосниках Коложи я слышу шёпот души древней церквушки, повидавшей столько всего! И тихий псалом вызывает не отстранение, а жаркое волнение сопричастности. Выходишь из церквушки на площадку, забранную крепкими чугунными перильцами и – стоп! Дальше можно только взлететь или плыть на воздушной ладье в беспредельность. Стоит взглянуть с высоты Борисоглебской на Неман, как ошеломляет восторженное понимание: почти такой же вид был и века назад. Вот так же простиралась река с обрывистым берегом, и взгляд скользил к левобережному Гродно. Как принято сейчас говорить, это явно место силы, место любви к родной земле, обладающее особой сакральной притягательностью.

Стоит в дозоре Коложа уже более восьми веков и молится за город, и, хоть обрушилась часть священных стен в реку, оставшееся впечатляет не меньше. Здесь не к месту думы о себе, здесь к лицу безымянно-молитвенное молчание. Так я чувствую.

Вот и алтарные скульптуры иезуитского костёла я рассматриваю всякий раз с непреодолимым волнением, открывая новые детали в выражении лиц апостолов или их одеждах, мастерски воссозданных Йоганом Шмитом. И иногда их барочная эмоциональность вкупе с шелестящим

органом ввергает меня в совершенную прострацию, будто очень давно я всё это знала и ощущала как родное!

И надписи на погребальных плитах священников Станислава и Витольда Врублевских мой взгляд обязательно тепло обнимет.

Tak, jestem Wróblewska po ojcu, и не могу не чувствовать своей удивительной общности с этим местом. Кланяюсь вам, мои знаменитые однофамильцы. Благословенны будьте все, подпиравшие веру и культуру подобно столпам katedry.

Сам храм и привычная для горожан скульптура Христа с крестом на пути мученичества денно и ночью напоминают об ином плане бытия («Возвысьте сердца!») и охраняют нас и культуру Гродно, ибо Deus conserwat omnia.

А третье мистическое место для меня – второй этаж голубого домика писательницы Элизы Ожешко. Именно там я увидела в гербарии их былой хозяйки прозрачные, истончившиеся от времени листья повилики. И однажды поздним вечером, выключая освещение перед закрытием музея-библиотеки, боковым зрением заметила нежную тень, скользящую в стёклах шкафов. Что это было? Моя фантазия или попадание в поток иного времени?

Милая пани Элиза не была счастлива здесь со своим вторым мужем Нагорным. Как тут не вспомнить её: «Tylko te oczy, które przelały najwięcej łez, potrafią najgłębiej zajrzeć w serca ludzkie.» Весь облик Гродно с особенными фасадами костёлов, чуть похожими на корму драккара лёгкими вертикальными ритмами, его мосты и набережные, белоснежный интерьер синагоги напоминают мне утраченный детский рай — Вильно, город, в котором я чувствовала себя удивительно хорошо (недаром же доминирует в архитектуре Гродно так называемое виленское барокко!), и любимый спуск к «Остробрамской» часовне был для меня, словно возвращение домой. Возможно, моя душа литвинки помнила себя там.

Даже просто проезжая в троллейбусе мимо Гродненского монастыря Святой Бригитты, пытаюсь заглянуть в отворённую во внутренний дворик маленькую дверь, чтобы голубое одеяние Божьей матери успокоило и придало сил, – такой у меня ритуал. Увидела, значит, всё будет хорошо. Узоры фриза, опоясывающего базилику, веселят душу своей яркой графической красотой. Боже мой, как счастье жить рядом со всеми этими сокровищами!

А на иконы Паолы Гажич забегу посмотреть позже. Спасибо вам, таинственные бригитки, за вашу стойкость в вере и за ваш женский аскетизм. Кто-то же должен взять на себя и такой труд. Помню, как впервые увидела среди бела дня необычное шествие «верников» с хоругвями из Бернардинского костёла (Воздвижения Святого креста) через главный мост к Францисканскому и поразила сила традиций местного католичества. Когда-то все четыре святыни этого городского района могли постоянно лицезреть друг друга. Я почувствовала, что это их город, что бы ни происходило вокруг. Бернардинский смотрит с высоты взгорья на памятник военной машине на постаменте, на театр, выросший вместо разрушенного монастыря, и молчит, не свысока, а мудро и спокойно улыбаясь человеческой тщете.

Конечно, Гродно, как и другие места в западной Беларуси, испытал на себе разные влияния культурно-религиозно-исторического толка. Не мог не вобрать всё, что давала судьба! Но и проявил удивительное упорство в отстаивании своей самобытности.

Гродно-Горадень-Гародня... Отныне будем городить и огораживать мы́. Именно здесь во мне, русскоязычной белорускае с польскими корнями, всегда жившей в приграничье, униатке и экуменистке по духу, сошлись-сплелись все веточки и истоки и укоренилось ощущение родины, своего места, полноты бытия от пребывания в этом городе.

Я хотела цельности самосознания, а оно вот такое у большинства проживающих здесь – как панно в технике пэчворка, что украшает стену фестивального центра Гродно.

Я – гродненка!

ОСЕННИЙ ВЕРЛИБР

Паутинки бабьего лета
Затейливо-невесомы.

Последняя узорчатая связь
Меж теплом и ветрами.

Некоторые огромны,
Будто радары –

Ловят сигналы неба
И передают их лесу.

Иные – словно арфы
Для лесных фей.

Украшенные дождинками,
Превращаются в жемчужное кольцо.

Жаль, что нельзя примерить...

ОТРАЖЕНИЯ

Зыбко-зыбко и неявно
Расплываясь в дрожи луж,
Удлиняясь ирреально,
В зазеркалье множа сушь,
Отраженья превращают
Мир в магический кристалл,
Будто кто-то там гадают,
Ищет в прошлое портал.

ВОЗМОЖНО

Возможно, что нет ничего за чертою –
Небытие: ни Харона, ни платы...
Возможно, заполнено всё чернотой,
(Молчанье земли – словно кокон из ваты).
Возможно, что ПОИСК является ЦЕЛЬЮ,
Чтоб не скучали, не озверели,
Не испоганили сытою ленью
Душу свою...
Как род уцелели.

P.S.: и всё же, как вечность длиннее времени,
душа за гранью телесного бремени –
парит, продолжается! Верим, верим мы...
Пусть вариантом – по квантовой мере.

Научись летать одна,
Раз непарный возраст очень,
И когда в душе весна,
И осенней долгой ночью...
Дух сильнее, чем гравитация –
Все житейские табу.
По иной, особой рации,
Слушай музыку свою.
Забирайся в стратосферу
Грёз, поэзии, искусств...
Не бери всерьез на веру
Утверждение, что пуст,
Что надуман и безжизнен
Самый хрупкий из миров.
Собственно, *на сей отчизне*
Мы давно с тобой живем.

РОЗОВЫЕ СТЁКЛА БЬЮТСЯ ВНУТРЬ

Вчера разбились стёклышки очков,
Тех, розоватых, старой марки «фудзи».
И взгляд на мир стал строже: не суров,
Но совершенно без оптических иллюзий.

Я стала видеть жёсткость многих лиц,
Изношенность связующих нас нитей.
На швах невидимых для глаз границ
Затёртость долгой общности лоснится.

Так что ж? Проститься, раз уж нету сил
На обновление ещё живого?
Но отношенья не сдают в утиль,

Любовно их выводят из застоя))

Да, розовые стёкла бьются внутрь.
Надёжней, безусловно, фотохромы:
Они изменчивы, но и не лгут,
Учитывают возраст, зоны, фоны...

Я БОРМОТАЛА ИМЕНА

Я бормотала имена
Во сне и наяву
И никогда не назвала
Земную суть твою.
Как перепутаны финал,
Начало и пароль!
(Челночек памяти не знал,
Что поперёк, что вдоль) .
Так глубоко засел во мне
Твой образ, что гипноз
Признания не вырвет – нет! –
Вот врос в меня так врос!
Но образ... прежний! молодой!
Искрящийся во тьме!
А нынешний – ты ...как чужой...
Прости, не нужен мне.

К гравюре Валентины Шобы

Душа, живущая
века и эры

и страстно ждущая
любви и веры
и всё ж заблудшая
в мирах и мерах,
опорой стань!
Ведь ты мудрее,
ты во сто крат меня древнее,
ты, к небу льнущая,
ему роднее...
прошу, наставь,
пока есть время...

СКВОЗЬ РАСТР ЛЮБВИ

"Есть города, в которые нет возврата..."
И. Бродский

Есть Островец,
в который нет возврата, –
Как остров-призрак, как мираж вдали...
Явь не даётся мне,
тоской объята –
Всем постоянством памяти Дали.

Был дом у речки
весь распахнут в космос,
Ракита,
нависавшая мостком,
Служила мне убежищем,
и nostos
Уже тогда примерен был тайком....

.....

Там вместо Лоши, говорят, дорога,
Нахально рядом с домом пролегла,
Малинник – детских игр отроги –
Давно исчез с родимого угла.
И дух не тот,
что раньше у аптеки:
Не майская жасминная страда.
Боюсь,
громадой "блоков Баальбека"
Всё заслонило раз и навсегда.

Опорой глазу, лощей для сердца –
Козьмодемьянский каменный хорал.*
(Мы, атеисты-пионеры-иноверцы,

Заглядывали с трепетом за вал).

Как странно, хрупко, но упрямо-прочно
Живут в нас образы любимых мест...
Сквозь растр любви,
 размытый и неточный,
Но в ауре силы и былых надежд.

**костёл Св. Космы и Дамиана, построенный доминиканцами в 17 веке*

В ПАЛАТЕ №2

Камень, ножницы, бумага...
Саван, скальпель или жизнь...
Не играю, бедолага,
Всё пытаюсь ворожить.
В этой злой неразберихе,
Где зияет столько ран,
Всё привычной облик лиха
И телесных сил изъян.
О душевных же мытарствах
Не пристало поминать.
Кажет опыт: нет лекарства,
Чтоб подобный страх унять.
Неужели эти речи
Как-то связаны со мной?
Понимала, что не вечно
Я живу под сей луной...
Но казалось, торможенье
Будет легким, не спеша,
Что привыкнет со смиреньем
К неизбежному душа...
Я согласна на ущербность,
На частичность, даже боль,
Только, боже, мира нежность
Созерцать ещё позволь!

НОВОГОДНЕЕ

Так будем же утешены, друзья,
Вот этими весёлыми снежками,
Что всюду тычутся, куда нельзя,
Холодными щенячьими носами,
И блеском ждущих чуда милых глаз
Внучат больших и малых – всех любимых,
И возрастаньем смыслов каждый раз,
И примирением с судьбой не мнимым.

Dona nobis pacem

Звучит орган в соборе кафедральном.
Насколько может, приглушает звук.
Чтоб не лететь под своды птицей дальней,
Молитвой шелестит у самых губ.
И вторит хор,
Дисканты -херувимы
Светлейшей кроткой нежности полны.
Даруй нам мир, даруй нам силы—
Коленопреклонённо просим мы.

КЛАСТЕРЫ РАДОСТИ

В какофонии жизни бурной,
подчас жестокой, отчаянной,
подчас громогласно-бравурной,
чистая радость – нечаянна*

Зафиксировать!
Проникнуть!
Раствориться!
Притвориться
похожей
частицей:
тихой,
смиренной
...благостной...
нежно светящейся,
сладостной...
И сохранить! Сохраниться
как счастливая единица...
Восторгом, любовью, птицей!
Полётом, кластером** радости...

*-в двух смыслах(чаять-`ждать` и случайно);

**-кластер в электронной музыке -слитное звуковое пятно

ФОРТЕПИАНО

Ах, эти клавиши с их белой гладкой кожей!
И воркотня низов и звонкость верхних нот...
И черный крап, вновь чистоту тревожа,
Разводит диатонику высот...
Летают руки, сильные, как птицы,
И каждый вихрь – движение крыла –
Срывает с клавиш гулкие зарницы,
Касаясь душ, и вовсе не едва....

После прочтения воспоминаний Н. Я. Мандельштам

... Крещатик, Невский, Ордынка...

Лубянка, Воронеж, Чердынка...

Смена участи, ужас потравы

Вас измучает, но не раздавит.

Взгляды...

упорно сверлящие,

Неотступные, тьмой исходящие,

Робкие, мимо скользящие,

Узнающие,... боль таящие.

Бараки, веранды, временки,

Сквозняк и безбытность беглянки....

Удушливо марево страха

Для маленькой женщины-птахи...

Тяжка бессонницы плаха.

Прервать бы—одним махом!

Но как окрик—звонящей тоскою:

"Я В СТРОКАХ ЖИВУ, Я – С ТОБОЮ!"

ПРОЗАИЗМЫ-РАЗМЫШЛИЗМЫ

Достаточно долго веду свою авторскую страницу на ОК, которая ДАЁТ МНЕ ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ УСЛЫШАННОЙ СРАЗУ МОИМИ БЛИЗКИМИ И ДАЛЁКИМИ ДРУЗЬЯМИ, ВОЗМОЖНОСТЬ реализовать непроходящий культурно-просветительский зуд и т.д. Вот оттуда, с этих страниц, мои прозаизмы, т.е. мнения и размышления о том, что меня волнует.

Я как узел отношений

Поразительно, как в человеке осуществляется жизнь людей из прошлого! И реальность давно иная, и людей-то многих уже нет на белом свете (или стали неузнаваемо другими), а они всё живут и живут в нас тембром голоса или только им свойственным жестом, законсервированные в том возрасте, когда были с нами в отношениях. Разных, не обязательно близких. И особенно памятна юность и люди из той поры.

Те, кто был для нас эмоционально значим тогда, и сейчас сохраняет свои права. И в этом есть что-то мистическое, неправдоподобное....

О моделях мира и блудных детях

Ох, и много же обрушилось на наши не избалованные вариативным мышлением мозги в эпоху горбачевского плюрализма. Привычные к черно-белому восприятию, закосневшие в привитых нам взглядах, мы еще долго приучали себя различать оттенки и тона. У меня была начальница, спорившая со мной по вопросам соцреализма в литературе и искусстве. Но стоило сверху прозвучать директиве «можно», как она резво подхватила мои «спорные» рассуждения, присвоила себе и с кафедры, ничтоже сумняшеся, стала укорять коллег за однобокость и ограниченность. Мы всё-таки в разной степени были не готовы к перевёртышу картины мира: кое-кто сопрягался с путями русской саньясы, кое-кто активно читал самиздат... Меня всегда удивляли люди, с легкостью «сжигавшие то, чему поклонялись...», и милее старый учитель-историк, плакавший над

газетными статьями, разоблачавшими сталинский террор: "Ах, какая я сволочь, скольких детей пичкал ложью! Нет мне прощения!"

Но я немного о другом. Прошли десятилетия с тех пор, и лишь немногие счастливицы легко определились со своей системой координат. Некоторым обывателям и вовсе не пришлось маяться с самоидентификацией и прочими аксиологическими глупостями: их скринсейвер раз и навсегда излучал «скромное обаяние буржуазии» – нейтрально-настороженно-хмурое неприятие всего, что за пределами их личных интересов. Ну а мы, подпорченные интеллигентскими исканиями, продолжали самокопание и переработку тонн словесной руды, открывали новые, подчас взаимоисключающие религиозно-философские системы, эзотерические знания...Звенели колокольчики ветра в дверях, в плохом фэн-шуйе искали причины семейно-бытовых неурядиц, уходили к кришнаитам и в родные монастыри. Искали ответы на извечное: как жить, чем жить? И без подспорья семейной традиции и настоящих духовников, в сущности, так ни к чему и не пришли.

Какие такие неоспоримые истины мы можем передать детям-внукам? В чём уверены до конца? А вдруг Павлик Морозов опять станет героем? А тонкие энергетические планы сущего—ересью шарлатанов? А вашего бедного деда вновь объявят врагом народа? (Невольно вспоминается постоянное переписывание истории Министерством Правды в романе "1984" Дж. Оруэлла).

У каждого, наверное, глубоко внутри, на генном уровне, запрятан страх, и почти в каждой семье – свой мартиролог. В нашей семейной истории 80-летний дед не доехал до Сибири, скончался в дороге; испоганена судьба молодой невинной женщины, бабушки Марфы, с сиротства началась жизнь мамы. Но моральные императивы незыблемы – могут возразить мне. Да, конечно, только они плохо работают в обществе, разъедаемом страхом и равнодушием, без необходимых примеров в жизни, повисают в воздухе, подобно отжившим слоганам советских агиток. Pluralis, pluralis...Выбор, альтернатива хороши, конечно, но вовремя и надолго, а не эпизодически. Иначе целые поколения, вырванные из Традиции и Истории, не могущие укорениться в новом времени, остаются неприкаянными...

О ПОДРУГАХ

Подруги – это почти всегда психологическая опора. И альтэр эго или антипод – не так уж и важно. Но в юности – это вдвое-втрое больше красоты, свежести, вариантов беспечности-безбашенности, индивидуальных способов мирочувствия (и меряешься фигурой и избранниками), а в старости – вдвое-втрое больше опыта, житейских невзгод, но варианты несбывшихся надежд разнообразием не удивляют... И меряешься фигурой (и снова в выигрыше тот, кто худее) и...болезнями. Но с кем-то же надо расплескать эту чашу, пусть хоть и за неприятной болтовней!

Вне системы координат, хоть бы и малого социума, все мы – неопознанные объекты. Нам нужен эмоциональный фон, нужно ощущение подобия-сходства и понимание своей уникальности при этом.

Джон Мбити, кенийский философ, утверждал: «Я есть, потому что мы есть, и так как есть мы, существую и я». Как там написала в письме мудрая Наталья Гончарова-Пушкина-Ланская: «будем же благодарны тем, кто берет на себя труд хотя бы считаться (казаться?) нашими друзьями».

Подруге

Смахнём слезу, смешком приправив слабость,
Посетуем на жизнь – ну как же без того!
Рецептом обменяемся: на сладость
И на лекарство-панацею (от всего!).
Прочтем в глазах друг друга потаенным шрифтом
Тоски собачьей уловимый след,
И даже если по душе не вышло –
Теплее все равно рассвет.

О пафосе дистанции

Давно замечала, что близкие отношения (лицом к лицу) часто завершаются отчуждением столь глубоким, что как будто бы и не было доверительности. Лишь пустота и неловкость остаются после. А вот дистанция, она дает замечательные предпочтения: и возможность самых разных отношений в перспективе, и сохранение идеалистического представления о другом, не испорченного ненужными деталями, как правило, делающими нас уязвимыми,..а еще независимость и необязательность и пр. Отношения выматывают душу, их начинаешь бояться. Дистанция создает иллюзию возможностей и оберегает нас от драм. Чего не имеешь – не потерять. И всё же, всё же все мы мечтаем о подлинной близости (недостижимом взаимоперетекании сущностей, о спутнике, который по первому зову... и т.д., и рано или поздно попадаем на крючок собственных фантазий. А ведь такой спутник у нас есть: наше внутреннее "я", наши накопления, интуиция, наш постоянный "собеседник". И если наедине с собой не очень скучно, это говорит о зрелости и силе. Но тепла всё равно хочется.

P.S. А если уж совсем серьезно, то всё-таки я ориентируюсь на бахтинское "Быть – значит общаться диалогически".

Дочки-матери

Немногие из нас могут похвастаться своими безоблачными отношениями с родителями. Так не бывает, наверное, чтобы рост души и тела, такой непростой, через разломы и раны, обходился без семейной драмы непонимания. Но я немного о другом. Моя взрослая дочь недавно обронила: "Ты становишься похожей на бабушку". И в ее интонации читалось недовольство и невольный укор. Вектор старости, о да, он непреодолимо подвигает нас в одном, очень определенном направлении. И если раньше я многое из недостатков моей мамочки списывала за счет сугубо личностных черт, то теперь все более думаю об их возрастной природе. Кое-что в своем отношении к ней я бы теперь точно бы подправила, признаюсь. А тогда, в пылу ссор, думалось: как я устала от всего этого, как можно быть такой односторонне-непробиваемой... Мне кажется, что на нас, женщинах и мамах, лежит нелегкая ноша – быть мостом между двумя поколениями: успевать обогреть старость и уследить за отклонениями роста наших собственных деток, дать им точку опоры. На себя остается маловато времени при нынешнем социально-семейном раскладе, когда приходится работать, и каждодневная суэта пожирает собственные планы и здоровье. А если еще добавляются профессиональные амбиции... И мы невольно допускаем перекося. В какую сторону? Ясно в какую: у старости ведь уже всё позади (а что "всё", кстати, и было ли – недосуг думать). Подсознательно мы отодвигаем долженствования и укоры совести подальше, а в худшем случае постоянно проявляем недовольство и т.д. (сами знаете, не хочу озвучивать).

Я сочувствую СРЕДНИМ, то есть тем, кто в данный момент отвечает за все и вынужден быть мостом-перемычкой (сама была в этой роли). Но когда надобность отпадает с уходом наших близких, легче не становится. Потому что теперь ты уже не мост, а форд, бастион, последний форпост...И стоять тебе до конца. В хороших семьях, особенно больших и дружных, все возрастные трения происходят более естественно, ненатужно. Но много ли вы видели такие? Остается учиться прощать друг друга и вслед ушедшим шептать свое последнее "прости". Жизнь ...она такая – "коло житейское, игриче", как говорили древние славяне, бумеранг, как добавили бы мы.

